

Цзян Мэнчжэнь отложил кисть и посмотрел в окно. В сгуставшихся сумерках показался одинокий путник с ярким праздничным фонарем в руке. Навстречу ему ласточкой метнулся багряный силуэт. Склонив головы друг к другу, они о чем-то пошептались, а затем вместе направились к павильону Слушания Дождя.

Из внешней комнаты донесся звонкий голос Чжухэня:

— Молодой господин, к вам второй молодой господин!

— Брат Мэнчжэнь, Чжухэнь сказал, что ты совсем поправился! — Ци Хэли небрежно передал лотосовый фонарь стоявшему за его спиной слуге и с жаром воскликнул: — На улице Алого Феникса сегодня праздник фонарей, давай ходим вместе!

Цзян Мэнчжэнь с улыбкой покачал головой:

— Не люблю сутолоку. Ступай без меня.

— Если людей будет много, я сам тебя защищу! — видя, что тот по-прежнему отказывается, Ци Хэли обернулся, собираясь забрать фонарь обратно. — Тогда возьми хотя бы это. Пусть будет тебе подарком к празднику.

Чжухэнь помрачнел и крепко вцепился в бамбуковый обод, не желая отдавать игрушку. Опасаясь, как бы они не повздорили из-за пустяка, Цзян Мэнчжэнь поспешил вмешаться:

— Фонари — забава для ребятишек, мне он ни к чему. Оставьте его себе.

— Но я ведь его специально купил... — пробормотал Ци Хэли, так и не договорив «для тебя». Он обиженно опустил голову, искренне не понимая, почему вещь, которую он лишь на миг попросил подержать, вдруг так просто сменила хозяина.

Цзян Мэнчжэнь решил, что мальчик расстроился из-за подарка, а потому мягко произнес:

— Ну полно тебе. В следующий раз я сам схожу с тобой на ярмарку и куплю Мин-гэеру любые фонарики, какие только твоей душе угодно, идет?

— Правда? — Ци Хэли восторженно вскрикнул, снизу вверх заглядывая ему в лицо. — А когда?

— В следующем году или через год. Время еще будет.

В груди у Ци Хэли сладко защемило.

«Взойдет луна на кроны ив, и мы сойдемся в час заката...»

Втайне подумал он, вспомнив старые поэтические строки о свиданиях влюбленных.

— Биянь как раз готовит таньюань по нашему цзянлинскому рецепту, — улыбнулся Мэнчжэнь.
— Попробуешь позже и скажешь, сильно ли они отличаются от местных юаньсяо.

Ци Хэли с радостью согласился. Вскоре Биянь внесла поднос с блюдом еще исходящих паром, нежных рисовых колобков. Цзян Мэнчжэнь зачерпнул один ложкой, осторожно подул и протянул мальчику. Сладкая, ароматная паста из красных бобов растаяла на языке, словно тягучий мед. Ци Хэли довольно зажмурился — вся его обида мгновенно улетучилась, не оставив и следа.

— Ну как, вкусные у нас бобовые таньюань? — с улыбкой спросила Биянь.

— Объедение! Об этом даже стихи сложены! — отозвался Ци Хэли и с выражением продекламировал: — «Растет фасоль в полуденных краях, весной пуская молодые ветви. О, собирай ее, мой друг, при встрече: в ней — память о тоскующих сердцах...»

— Мал еще, а туда же — рассуждаешь о сердечной тоске! — добродушно поддразнил его Мэнчжэнь.

В комнате дружно рассмеялись. Немного погодя Биянь проводила гостя до порога. Стоило ей приоткрыть тяжелую дверь павильона Слушания Дождя, как снаружи, из темноты сада, донесся торопливый, быстро затихающий топот ног. Служанка огляделась по сторонам, но никого не заметила и решила, что ей просто почудилось. Зато Ци Хэли прекрасно знал: это был его старший брат.

Лунный свет заливал сад, ложась на ветви деревьев и кусты блеклыми, похожими на подтаявший снег пятнами. Ци Хэли брел по дорожке, мысленно повторяя строчку, которую успел заметить на свитке, лежавшем на столе Цзян Мэнчжэня: «Беречь красу свою в тиши за закрытыми дверями...»

Эти слова казались точным описанием самого Цзян Мэнчжэня. Он держал Ци Фэнцзю на расстоянии, заставляя старшего брата лишь бесплодно вздыхать, подобно смертному, тщетно взирающему на недосягаемый лик луны. Ему же, Ци Хэли, позволяли входить в покои лишь из жалости к его малолетству и слабости — Мэнчжэнь считал его неразумным дитятей, не ведающим мук любви. Но для самого Хэли это было лишь иллюзией, бесплодной, как попытка обезьяны выловить из пруда отражение луны: как близко ни протягивай руку, пальцы коснутся лишь зыбкой пустоты.

Сладкий вкус бобовой пасты сменился горьким послевкусием. Ци Хэли страстно желал поскорее вырасти, но в то же время до дрожи боялся того дня, когда перестанет быть ребенком — ведь тогда Цзян Мэнчжэнь закроет свои двери перед ним, лишив последней милости.

Пятнадцатого числа второго месяца, аккурат в праздник Цветов, Цзян Мэнчжэнь праздновал свой день рождения. Госпожа Ци лелеяла надежду устроить по этому случаю пышный пир в своем доме, однако старшая сестра именинника, княгиня Цзинь, рассудила иначе. Цзян Мэнчжэнь заранее забрала брата в свое поместье, так что хозяйке дома так и не удалось задобрить высокого гостя своим радушием.

Ци Хэли прибежал в павильон Слушания Дождя, бережно сжимая в ладонях нефритовое пресс-папье в виде котенка, которое с превеликим трудом раздобыл у заезжего торговца. Он надеялся упросить Чжухэня передать этот подарок Мэнчжэню лично в руки, как только тот воротится из поместья князя Цзиня. Однако слуга лишь презрительно кивнул в сторону стола, ломившегося от роскошных подношений, и даже не удостоил мальчика ответом. Вообще, в последнее время Чжухэнь вел себя странно: постоянно дулся, смотрел волком и сердился, будто Хэли задолжал ему кучу денег. Сдерживая гнев, юный господин пытался задобрить его безделушками, купленными на рынке, но капризный гэр попросту вышвырнул их в окно, выставив дарителя полным дураком.

К тому времени, как облетели весенние цветы, подошел день рождения самого Ци Хэли. О его появлении на свет не помнила толком даже родная мать, наложница Чжоу, не говоря уже о прочих домочадцах. Да если бы кто и знал — никому до этого не было дела. Хэли наскреб несколько сотен медных монет и упросил старую повариху сварить ему чашу лапши долголетия. Надкусывая яйцо с жидким желтком, он мысленно загадал заветное желание: поскорее вырасти и стать хоть на полголовы выше Цзян Мэнчжэня.

На исходе весны столичные гостинные содрогнулись от неслыханного скандала. На званом приеме по случаю цветения пионов старшего законного сына графа Юньяня, Ань Чжиюаня, и младшего гэра из семьи графа Уяня, У Сисчуня, застали в одной постели в самом непотребном виде!

Цзян Мэнчжэнь зашелся в мучительном приступе кашля, прижимая к губам шелковый платок. Насилу переведя дух, он сиплым голосом приказал:

— Экипаж... Велите немедленно запрягать лошадей!

— Молодой господин, я знаю, вы дружны с господином У, но чем вы сможете помочь? — преградила ему путь Биянь. — От такого позора приличные люди бегут без оглядки, а вы сами лезете в петлю! Если поедете туда сейчас, тень падет и на ваше доброе имя! К тому же у вас опять разыгралась чахотка, поберегите себя... Не считите мои слова за черствость, но умоляю, обождите хоть несколько дней, пока не спадет жар!

Цзян Мэнчжэнь молча обошел служанку и решительно направился к выходу. Делать нечего — вздохнув, Биянь поспешила следом.

В поместье графа Уяна царило уныние, сравнимое разве что с трауром. Слуги ходили тише воды, ниже травы, испуганно втянув головы в плечи. Навстречу гостям, утирая заплаканные глаза, выбежала личная служанка У Сисчуня, Жуньмо. Ни слова не говоря, она торопливо увлекла их во внутренние покои.

— Кто же знал, что случится такое несчастье! Наша госпожа, как прослышала, тут же лишилась чувств, — шепотом, захлебываясь от злости, заговорила Жуньмо. — А все эта дрянь Дяоши! Сегодня она сопровождала молодого господина и должна была ни на шаг от него не отходить. Но где там! Умчалась куда-то развлекаться, бросив хозяина. Когда же граф стал допытываться, как все произошло, эта мерзавка, испугавшись суровой кары, нагло заявила, будто наш господин давно якшается с молодым господином Анем и нарочно отослал ее с глаз долой! Хозяин в ярости чуть живьем сына в могилу не загнал, госпожа насилу удержала его — в ногах валялась, плакала, пока опять в обморок не упала...

Цзян Мэнчжэнь переступил порог спальни. У Сисчунь лежал на постели, уткнувшись лицом в подушки. Заслышав шаги, он несмело приподнял голову и, пряча опухшее от слез лицо, выдавил дрожащим голосом:

— Ты уже все знаешь?.. Неужели и ты думаешь, будто я... я сам пошел на это бесчестие и тайно встретился с ним?

— Как ты мог такое подумать! — Цзян Мэнчжэнь опустился на край постели и крепко сжал его ладонь. — Если бы я сомневался в тебе, меня бы здесь не было.

У Сисчунь не выдержал и горько разрыдался, уткнувшись другу в плечо. Судорожно цепляясь за широкие рукава его халата, он, захлебываясь слезами, принялся сбивчиво рассказывать:

— Я и сам не понимаю, как все обернулось... Тебя не было на празднике из-за простуды, и мне пришлось развлекаться с остальными. Они без конца хвалили мои стихи, заставляли пить кубок за кубком... Я вышел в сад, чтобы немного протрезветь, и тут какой-то служка подал мне пиалу чая. Я отпил немного, а дальше — темнота, ничего не помню!

Цзян Мэнчжэнь жестом велел служанкам удалиться. Оставшись наедине с другом, он осторожно погладил его по вздрагивающей спине.

— Полно, слезами горю не поможешь. Но если взглянуть на это с другой стороны... Какое счастье, что рядом оказался именно он, а не кто-то чужой. Ведь так?

У Сисчунь судорожно кивнул:

— Если бы на его месте оказался другой, я бы прямо там головой о стену ударился, лишь бы смыть этот позор!

— Дело ясное — тебя подставили. Попробуй вспомнить: может, ты ненароком перешел кому-то дорогу? Не мог же этот случай произойти сам собой.

— Вот и я о том же! Я ведь не девица беззащитная, чтобы от пары глотков вина лишиться чувств. Да и хмель так быстро не берет — я отключился мгновенно! — Сисчунь в ярости ударил кулаком по подушке. — И эта тварь Дяоши... Сама виновата, проглядела беду, а теперь валит все на меня! Даже если бы я действительно... питал нежные чувства к Ань Чжиюаню, неужели бы я решился на такую глупость прямо посреди праздника?!

— А сам господин Ань? Как он все это объясняет?

— Да когда там было разговаривать? Мы оба очнулись от диких криков. Глаза открываю — а вокруг целая толпа зевак шепчется да пальцами тычет... — из глаз Сисчуня снова брызнули слезы. — Он тут же опустился передо мной на колени, молил о прощении, пытался доказать этой своре, что нас опоили и между нами ничего не было... Но разве станут эти стервятники слушать? Нас застали в одной постели, и этого им довольно.

Цзян Мэнчжэнь бережно осушил его мокрые щеки платком.

— Что сейчас происходит в доме? Если браться за расследование, медлить нельзя. Через пару дней все концы в воду спрячут, ни улики, ни свидетелей не найдешь.

— Мой старший брат, как прознал про бесчестье, рассвирепел так, что сразу увел отряд столичного охранного лагеря окружать поместье графа Юньаня. Даже невестку заставил пойти с обыском в их женскую половину! Не знаю, удастся ли им хоть что-то раскопать...

Хотя оба семейства носили графские титулы, дом Уяна обладал куда более весомым влиянием при дворе. Сам граф занимал важный государственный пост, а его старший сын служил генерал-адъютантом в Столичном охранном лагере. Куда им до разорившихся графов Юньаней, сохранивших лишь громкое имя! Неудивительно, что, когда пострадал любимый младший гэр, влиятельные родственники не пожелали спустить дело на тормозах. Вот только из-за поднятого шума грязные слухи мгновенно разлетелись по всей столице.

— Раз уж свидетелей оказалась целая прорва, злословия нам все равно не избежать. Пусть себе болтают, сколько влезет, — У Сисчунь понурил взор, и его голос зазвучал глухо, безжизненно. — Мне только Ань Чжиюаня жалко... Если правда не откроется, в собственном доме ему житья не дадут.

Цзян Мэнчжэнь горько усмехнулся и вновь невольно закашлялся. Осушив губы, он со вздохом произнес:

— Несчастный ты человек... О собственной участи подумай, а ты все о нем печешься.

В этот момент в покои вбежала раскрасневшаяся Жуньмо. На ее лице сияла искренняя радость.

— Молодой господин, радость-то какая! Поймали злодея! Из поместья графа Юньаня явились гонцы, а наш старший молодой господин притащил какого-то связанного по рукам и ногам негодяя! Сейчас они у хозяина с хозяйкой, держат ответ!

У Сисчунь рывком поднялся с постели и мертвой хваткой вцепился в руку друга:

— Пойдем! Мы тоже должны там быть. Я не позволю смешать свое имя с грязью!

<http://bllate.org/book/19598/2002405>